# Цифровое наследство: проблемы определения состава наследственной массы и доказывания принадлежности цифровых активов наследодателю

**Багыллы Сафура Теймуразовна**
кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства, Российский государственный университет правосудия имени В.М. Лебедева, ayramsa@yandex.ru

**Усейкина Софья Андреевна**
Студентка, Российский Государственный Университет Правосудия имени В.М. Лебедева, sopfiausejkina@yandex.ru

Статья посвящена анализу правовых проблем, возникающих при наследовании цифровых активов в Российской Федерации. Рассматриваются понятие цифровых прав и цифрового наследства, классификация цифровых объектов, которые могут входить в состав наследственной массы, способы их перехода к наследникам. Как правило к таким объектам относятся: легализованные цифровые активы, утилитарные цифровые права, криптовалюта, аккаунты, доменные имена. Авторами также анализируются процессуальные проблемы доказывания принадлежности цифровых активов наследодателю в случае отсутствия завещательного распоряжения.

Делается вывод о том, что для успешной реализации прав на цифровое наследство требуется не только развитый правовой инструментарий, но и активная позиция самих участников: заранее оформленное распоряжение наследодателя цифровыми активами (фиксирование их состава, инструкций по доступу, включение в завещание) и действия наследников по выявлению и доказыванию принадлежности соответствующих активов.

**Ключевые слова:** цифровое наследство, цифровые финансовые активы, цифровые права, наследственная масса, доказывание принадлежности, криптовалюта, нотариат, электронные доказательства.

**Введение**

Цифровизация экономики и повседневной жизни граждан обусловила появление нового класса объектов имущественного оборота — цифровых активов. Сегодня среднестатистический пользователь является обладателем аккаунтов в социальных сетях, электронных кошельков, криптовалюты, доменных имён и цифрового контента, совокупность которых нередко приобретает значительную имущественную ценность. Вместе с тем российское законодательство, регулирующее наследственные отношения, не содержит специальных норм, адресованных цифровым активам, что порождает правовую неопределенность на практике.

Гражданский кодекс Российской Федерации (далее — ГК РФ) оперирует общими категориями «имущественные права» и «иное имущество», которые теоретически позволяют включить цифровые активы в состав наследственной массы, однако механизм такого включения нотариусами и судами по-прежнему не выработан. Позиция Конституционного Суда РФ (далее КС —РФ), изложенная в постановлении от 20 января 2026 г. № 2-П, подтверждает такой подход. КС РФ подчёркивает имущественный характер требований, связанных с законным владением цифровой валютой, и указывает на необходимость их судебной защиты наравне с иными видами имущества. Тем самым вопрос о принципиальной «имущественной» природе значительной части цифровых активов в российском правопорядке во многом определен, однако механизм их включения в состав наследства и порядок подтверждения принадлежности конкретных цифровых объектов наследодателю нотариусами и судами по-прежнему остается затруднительным. Степень научной разработанности темы остаётся недостаточной, несмотря на активно развивающуюся доктрину, устойчивая практика в данной сфере в России на сегодняшний день не сложилась. В указанном постановлении Конституционный Суд РФ приводит перечень дел, в которых суды по разному квалифицируют данные правоотношения.

Целью настоящей статьи является выявление правовых проблем, препятствующих эффективному наследованию цифровых активов, и разработка предложений по их решению. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: определяется понятие цифрового наследства и цифровых прав, классифицируются цифровые объекты с позиций их наследуемости, анализируются способы перехода цифровых активов к наследникам, исследуются процессуальные проблемы доказывания принадлежности активов наследодателю, приводится зарубежный опыт регулирования.

В ходе исследования использовались формально-юридический, сравнительно-правовой методы, методы системного анализа и обобщения эмпирического материала.

Основная часть

Российский законодатель впервые закрепил понятие «цифровые права» в ст. 141.1 ГК РФ. Согласно указанной норме, цифровыми правами признаются: «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом при-

знакам». Названными в качестве цифровых прав в действующем законодательстве оказались: цифровые финансовые активы (ЦФА) и утилитарные цифровые права.

Ю. С. Харитонова выделяет «легализованные» цифровые активы, те, правовой режим которых прямо закреплен в законодательстве. Иные активы у автора не поименованы, представляется возможным выделить условно «нелегализованные» — не имеющие четкой законодательной квалификации, хотя и не запрещенные в обороте, например, аккаунты в социальных сетях, NFT, игровое имущество, персональные данные [9]. Данное разграничение имеет принципиальное значение для целей наследования, поскольку правовой режим каждой группы объектов определяет доступные наследникам механизмы правопреемства, а также специфику идентификации при необходимости защиты в суде.

В российском праве понятие «цифровое наследство» законодательно не закреплено. Данное понятие можно охарактеризовать как совокупность цифровых активов гражданина в цифровой форме, которые на день открытия наследства принадлежали наследодателю и могут перейти к его наследникам в порядке универсального правопреемства [1],[9]. Отсутствие законодательного определения цифрового наследства влечет принципиальные практические затруднения. В частности, Федеральная нотариальная палата России в 2021 году констатировала, что наследственное право в части наследования цифровых прав граждан «уже сейчас нуждается в дополнениях». В августе 2025 года группа депутатов Государственной Думы публично предложила законодательно закрепить понятие «цифровое наследство» и установить порядок распоряжения соответствующими правами, в том числе с использованием уже функционирующих электронных сервисов, например портала «Госуслуги». Вместе с тем, до сегодняшнего дня никаких преобразований не произошло.

В соответствии со ст. 1112 ГК РФ в состав наследства входят принадлежащие наследодателю вещи и иное имущество, включая имущественные права и обязанности, за исключением прав, неразрывно связанных с его личностью. Цифровые права, указанные в ст. 128 ГК РФ как объекты гражданских прав, в зависимости от их имущественной или личной природы могут как включаться в состав наследственной массы, так и не входить в неё.

С позиций наследственного права цифровые активы целесообразно разделить на несколько групп.

Первую группу образуют легализованные цифровые активы, правовой режим которых прямо закреплен в законодательстве и которые могут быть включены в состав наследства по общему правилу ст. 1112 ГК РФ. К таким активам относятся, прежде всего, цифровые финансовые активы и цифровой рубль, отнесенные специальными законами к цифровым правам в смысле ст. 141.1 ГК РФ и обладающие имущественной природой.

Вторую группу составляют утилитарные цифровые права — право требовать передачи вещи, исключительных прав, выполнения работ или оказания услуг. Они также имеют имущественную природу и потенциально входят в наследственную массу, однако порядок их наследования специальным законодательством прямо не предусмотрен.

Третья группа — криптовалюта. Юридически она признается иным имуществом и включается в состав наследства по ст. 1112 ГК РФ. Однако ее децентрализованный и анонимный характер делает практическое оформление наследства крайне затруднительным: нотариус не способен принудительно обеспечить доступ к криптовалютному кошельку в отсутствие приватного ключа. Примечательно, что в январе 2026 года КС РФ в Постановлении № 2-П указал, что имущественные требования, связанные с законным обладанием цифровой валютой, подлежат судебной защите, существенно ограничив практику отказа в имущественных исках со ссылкой на неисполнение обязанности по уведомлению налогового органа.

Четвертая группа — аккаунты, доменные имена, игровые активы. Данная группа образует наиболее дискуссионный сегмент. Аккаунты в социальных сетях в российском праве не признаются собственностью в традиционном смысле, а вопрос об их правовой природе остается открытым. Доменные имена как правило регистрируются и администрируются на основании договора оказания услуг с регистратором. Содержание такого договора и правила обслуживания домена привязывают статус администратора к конкретному пользователю и могут предусматривать прекращение договора при его смерти либо необходимость переоформления домена на правопреемника. Виртуальные игровые объекты, находящиеся в составе аккаунта пользователя, с точки зрения российского гражданского права не переходят к нему в собственность, а предоставляются на условиях пользовательской (лицензионной) модели: содержание и пределы прав пользователя на такие объекты определяются пользовательским соглашением платформы, в котором, как правило, закрепляется лишь неисключительное право пользования соответствующим функционалом и контентом при сохранении имущественных прав за правообладателем. Вместе с тем контент, размещенный на аккаунтах (фотографии, тексты, аудиовизуальные произведения), является объектом интеллектуальной собственности наследодателя и может переходить к наследникам в рамках части IV ГК РФ.

Далее рассмотрим способы перехода цифровых активов к наследникам. Завещание является наиболее надежным инструментом обеспечения перехода цифровых активов. В завещании наследодатель вправе прямо указать цифровые активы и сведения, необходимые для доступа к ним.

Для легализованных ЦФА перспективным представляется механизм завещательного распоряжения, оформленного непосредственно на платформе оператора, аналогичного завещательному распоряжению в банке по ст. 1128 ГК РФ. Возможность применение данной модели к цифровым финансовым активам рассматривает ряд авторов [9 с. 13]. Можно предположить следующий механизм: завещательное распоряжения, оформляется в личном кабинете на платформе оператора по аналогии с распоряжением правами на денежные средства в банке (ст. 1128 ГК РФ). Представляется, что такое распоряжение могло бы включать выбор конкретных денежных требований, указание наследников и их долей, а также подтверждение распоряжения усиленной электронной подписью пользователя. Оператор, в свою очередь, фиксировал бы это распоряжение в информационной системе и по запросу нотариуса предоставлял сведения о его наличии и содержании.

При этом, следует учитывать, что нотариус не обязан разыскивать имущество наследодателя и, как правило, действует в пределах сведений, представленных наследниками. Его основная функция состоит в оформлении перехода прав на те активы, о которых заявлено, а не в установлении полного перечня имущества умершего.

В результате основное бремя по обнаружению цифрового имущества фактически возлагается на наследников. В отношении цифровых активов такая ситуация усугубляется отсутствием единых реестров и спецификой конфиденциальности: наследники не могут самостоятельно обращаться к операторам платформ или банкам в поисках аккаунтов и кошельков, поскольку соответствующая информация составляет конфиденциальную информацию и

раскрывается, как правило, исключительно по запросу нотариуса, либо суда. Это образует дополнительные сложности для наследников.

Нормы ГК РФ о наследственном договоре, введенные в 2019 году, теоретически применимы к цифровым активам, однако специальное регулирование данной формы применительно к цифровым правам отсутствует.

Как правило, при отсутствии завещания цифровые активы переходят в составе наследственной массы к наследникам по закону в порядке очередности.

При этом, если наследодатель не обозначил наличие цифровых активов и не оставил сведений, обеспечивающих доступ к ним, ситуация может складываться таким образом, что наследники объективно не знают ни о самом существовании значительной части цифровых активов, ни о ключах и паролях к ним, и потому лишены практической возможности реализовать право на их наследование.

Если наследникам известно о наличии цифровых активов, то ключевой процессуальной проблемой цифрового наследования становится подтверждение принадлежности этих активов конкретному наследодателю. Её острота обусловлена следующими факторами: анонимностью и децентрализацией ряда информационных систем, псевдонимностью пользовательских аккаунтов, отсутствием централизованного государственного реестра цифровых активов и технической невозможностью принудительного доступа к кошелькам без знания приватного ключа. Как отмечает Т. С. Яценко, «обеспечить принудительный доступ к выявленному наследниками цифровому кошельку наследодателя при отсутствии у них кода пока невозможно» [8].

Таким образом, в нотариальной и судебной практике основная процессуальная проблема при наследовании цифровых активов заключается в самом установлении факта принадлежности конкретного цифрового объекта наследодателю.

Это предопределяет преимущественно судебный порядок разрешения споров о наследовании цифровых прав.

В качестве примера можно привести дело [.] по жалобе наследника на отказ нотариуса включить в свидетельство о праве на наследство доменные имена, учетные записи (Apple ID, аккаунты Google, приложения-аутентификаторы) и криптовалюту на «холодных» и «горячих» кошельках наследодателя. Нотариус отказал, указав на отсутствие документов, подтверждающих принадлежность указанных цифровых объектов наследодателю, невозможность определить правовую природу части из них, а также на непредставление сведений о правообладателях сервисов и порядке получения от них информации. Наследник не смог представить ни правоустанавливающих документов, ни иных доказательств связи доменов, аккаунтов и криптокошельков с личностью наследодателя.

Обжалуя отказ, наследник обратился в суд в порядке особого производства, однако заявление было оставлено без рассмотрения ввиду наличия спора о праве. Суды справедливо указали, что речь идет не о «технической» проверке законности нотариального отказа, а о материально-правовом споре. О составе наследства и существовании у наследника права на спорные активы, установление состава наследства, подтверждение принадлежности доменных имён, учётных записей и криптовалютных активов наследодателю. Тем самым дело наглядно демонстрирует, что при наследовании цифровых активов одних лишь общих указаний наследника и ссылок на «цифровое имущество» недостаточно: правоприменитель последовательно требует конкретных доказательств принадлежности каждого цифрового объекта наследодателю и вынужден переводить спор из плоскости обжалования нотариального отказа в плоскость полноценного спора о праве.

На основании анализа небольшого количества практических примеров, можно выделить следующие виды доказательств, используемых для подтверждения принадлежности цифровых активов наследодателю.

Специфика доказывания принадлежности цифровых активов наследодателю может варьироваться в зависимости от группы, к которой относится тот или иной актив.

Первая группа. ЦФА и цифровой рубль

Для данной группы характерен наиболее высокий уровень идентификации, поскольку оператор информационной системы обязан вести учет информации о цифровых финансовых активах, содержащейся в записях информационной системы пользователей. Основными средствами доказывания могут выступать:

- запрос к оператору платформы. Нотариус или суд вправе запросить информацию о цифровых финансовых активах, подтверждающую цифровые права наследодателя. Также оператор может предоставить данные доступа к записям информационной системы (адрес сайта, пароль), зафиксированные на электронном носителе в машиночитаемом формате.

- договоры, на основании которых были приобретены, отчуждены или обеспечены цифровые финансовые активы, решения о выпуске цифровых финансовых активах.

Именно такие сведения могут быть признаны достаточными для идентификации и подтверждения прав владельца. Так, например, в 2024 г. платформа «Токеон» и управляющая залогом компания МФК «Реми капитал» инициировали «контролируемый дефолт» по выпуску ЦФА и подали иск о взыскании задолженности и обращении взыскания на залог (земельный участок) в АС Удмуртской Республики. В материалах дела в качестве доказательств прав инвесторов на ЦФА использовались: реестр держателей ЦФА на платформе, решение о выпуске ЦФА (правила обращения и погашения), договор залога недвижимости, договор уступки требования, договор управления залогом.

Вторая группа. Утилитарные цифровые права

Доказывание в данной категории строится на общих принципах процесса. В качестве доказательств могут использоваться: договор, на основании которого возникло утилитарное цифровое право (в том числе инвестиционные соглашения, документы краудфандинговых платформ и т.п.), выписка с платформы о наличии права требования и его объёме. При необходимости нотариально заверенная электронная переписка о приобретении прав, банковские документы, подтверждающие оплату, послужившую основанием возникновения утилитарного права.

Третья группа. Криптовалюта.

Именно здесь доказывание наиболее затруднено ввиду анонимности и децентрализованности блокчейна. Как показывает судебная практика, наибольшую доказательственную силу имеют:

- данные доступа к криптовалютному кошельку (приватный ключ либо seed-фраза, уникальный адрес кошелька, идентификатор устройства) — без них ни нотариус, ни суд не могут принудительно обеспечить доступ к активу; их наличие является необходимым условием фактической реализации наследственного права;

- банковские переводы наследодателя на криптобиржу или иную платформу и история сделок, в деле по разделу биткоинов.

- скриншоты баланса кошелька с фиксацией даты и адреса, данные из блокчейн-обозревателя (blockchain.info и аналогичных сервисов) — в деле № А65-17014/2023 арбитражный суд признал скриншоты из блокчейн-обозре-

вателя с указанием адреса кошелька, объема BTC и времени транзакции надлежащим доказательством передачи криптовалюты;

- переписка в мессенджерах о намерении приобрести криптовалюту — в том же деле суд принял переписку в качестве допустимого доказательства в совокупности с иными материалами.

Эта позиция также отражена в решении Арбитражного Суда Республики Татарстан, рассмотрев дело по иску о взыскании неосновательного обогащения суд отметил, что представленная в материалы дела переписка WhatsApp позволяет установить детали заявок (наименование продукции, количество), дату и время отправления, факт получения другой стороной. В связи с чем переписка WhatsApp является надлежащим доказательством согласно ст. 75 АПК РФ, а в совокупности с чеком о переводе денежных средств и скриншотами с сайта blockhain.info позволяет однозначно определить природу передачи денежных средств одного лица другому.

- судебная компьютерно-техническая экспертиза позволяет установить принадлежность адреса кошелька наследодателю путем анализа IP-адресов, метаданных, идентификаторов устройств и истории онлайн-операций. Суды прибегают к ней при оспаривании принадлежности активов или при недостаточности иных доказательств.

Четвертая группа. Аккаунты, доменные имена, игровые активы.

Для данной категории цифровых активов возможными доказательствами могут выступать:

- ответы операторов платформ (соцсети, почтовых сервисов, игровых платформ, регистраторов доменов) на запрос нотариуса/суда об идентификации владельца аккаунта или домена;

- договор с регистратором доменного имени и документы об оплате услуг — подтверждают статус администратора домена у наследодателя;

- контент аккаунта (фото, видео, тексты), позволяющий установить связь с личностью наследодателя;

- технические данные (IP-адреса, устройства, с которых осуществлялся доступ), подтвержденные экспертизой.

Показательный пример — дело, приведенное выше, наследник оспаривал отказ нотариуса включить в свидетельство доменные имена, Apple ID, аккаунты Google и криптовалютные кошельки. Суд указал, что установление принадлежности доменов и аккаунтов наследодателю возможно только в рамках искового производства с предъявлением соответствующих доказательств и привлечением операторов платформ для получения информации.

Дополнительную сложность создает трансграничный характер цифровых сервисов, на которых размещены аккаунты, облачные хранилища и криптовалютные кошельки наследодателей. В таких случаях исполнение судебных решений и запросов осложняется применением иностранного права и отсутствием устойчивых механизмов взаимодействия с зарубежными платформами, вследствие чего доступ наследников к цифровым активам на этих сервисах нередко превращается в юрисдикционную проблему.

**Заключение**

Подводя итог исследованию, важно подчеркнуть, что на фоне технологического прогресса цифровое пространство постоянно порождает новые формы активов с денежной ценностью. Для наследников это вовсе не абстрактные «цифровые следы», а вполне ощутимые экономические ценности, сопоставимые по значимости с традиционным имуществом. Даже при формальном признании цифровых активов объектами гражданских прав их фактический переход к наследникам упирается в способность доказать принадлежность активов наследодателю и обеспечить технический доступ к ним, что делает каждый случай, по существу, уникальным. Для успешной реализации прав на такое цифровое наследство требуется не только развитый правовой инструментарий, но и активная позиция самих участников: заранее оформленное распоряжение наследодателя цифровыми активами (фиксирование их состава, инструкций по доступу, включение в завещание), а также действия наследников по выявлению и доказыванию принадлежности соответствующих активов. На сегодняшний день решение этих вопросов остаётся сложным, многоуровневым процессом, требующим индивидуального подхода и тесного взаимодействия доктрины, законодателя, правоприменителя в поиске более устойчивой и предсказуемой модели цифрового наследования.

**Литература**

1. Зайнуллина Т.Г., Петренко А.С. (2025). Цифровое наследство: современные проблемы регулирования и законодательное определение // Journal of Economic Regulation 16 (4): 59-64.

2. Кириллова Е.А. Роль нотариуса при наследовании цифровой валюты в Российской Федерации // Нотариус. 2021. № 7. С. 27–33.

3. Егорова М.А., Ефимова Л.Г. Понятие криптовалют в контексте совершенствования российского законодательства // Lex Russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 130–140.

4. Носов Н. Майнить можно, а продавать нельзя // ИКС-МЕДИА. 2020. 6 августа.

5. Ситник А. А. Цифровые валюты: проблемы правового регулирования // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 11 (120). С. 103–113.

6. Цинделиани И.А., Нигматулина Л.Б. Криптовалюта как объект гражданско-правового и финансово-правового регулирования // Финансовое право. 2018. № 7. С. 16–23.

7. Яценко Т.С. Проблемы исполнения завещания в отношении цифровых активов наследодателя // Наследственное право. 2021. № 1. С. 31–34.

8. Яценко Т.С. Наследование цифровых прав // Наследственное право. 2019. №2. С. 11—14.

9. Харитонова Ю.Н. Наследование легализованных цифровых активов: коллизии и возможные направления совершенствования российского законодательства // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2024. Т. 17. № 2. С. 74–95.

10. Нестеров А. В. О цифровых правах и объектах цифровых прав // Право и цифровая экономика. 2020. № 1 (7). С. 11–20.

11. Апелляционное определение СК по гражданским делам Московского городского суда от 20 апреля 2022 г. по делу N 33-14798/2022 // https://base.garant.ru/327928153/ ( дата обращения 25.05.2026).

**Digital Inheritance: Issues of Determining the Composition of the Estate and Proving the Deceased's Ownership of Digital Assets**

**Bagylly S.T., Useikina S.A.**

V.M. Lebedev Russian State University of Justice

This article analyses legal issues arising in connection with the inheritance of digital assets in the Russian Federation. It examines the concepts of digital rights and digital inheritance, the classification of digital objects that may form part of the estate, the mechanisms by which they may pass to heirs, as well as procedural problems of proving the deceased's ownership of digital assets where no testamentary disposition has been made during their lifetime. The article also provides an overview of foreign approaches to the regulation of digital inheritance. It concludes that there is a need for special legislative regulation of the inheritance of digital rights in the Russian Federation.

Keywords: digital inheritance, digital financial assets, digital rights, estate, proof of ownership, cryptocurrency, notariate, electronic evidence.

**References**

1. Zainullina T.G., Petrenko A.S. (2025). Digital inheritance: modern regulatory issues and legislative definition // Journal of Economic Regulation 16 (4): 59-64.
2. Kirillova E.A. The role of a notary in the inheritance of digital currency in the Russian Federation // Notary. 2021. No. 7. pp. 27-33.
3. Egorova M.A., Efimova L.G. The concept of cryptocurrencies in the context of improving Russian legislation // Lex Russica (Russian Law). 2019. No. 7 (152). pp. 130-140.
4. Nosov N. You can mine, but you can't sell // IKS-MEDIA. 2020. August 6.
5. Sitnik A. A. Digital Currencies: Problems of Legal Regulation // Actual Problems of Russian Law. 2020. Vol. 15. No. 11 (120). Pp. 103–113.
6. Tsindeliani I. A., Nigmatulina L. B. Cryptocurrency as an Object of Civil and Financial Legal Regulation // Financial Law. 2018. No. 7. Pp. 16–23.
7. Yatsenko T. S. Problems of Executing a Will in Relation to the Testator's Digital Assets // Inheritance Law. 2021. No. 1. Pp. 31–34.
8. Yatsenko T. S. Inheritance of Digital Rights // Inheritance Law. 2019. No. 2. Pp. 11–14.
9. Kharitonova Yu. N. Inheritance of Legalized Digital Assets: Conflicts and Possible Areas for Improving Russian Legislation // Law. Journal of the Higher School of Economics. 2024. Vol. 17. No. 2. pp. 74–95.
10. Nesterov A. V. On Digital Rights and Objects of Digital Rights // Law and Digital Economy. 2020. No. 1 (7). pp. 11–20.
11. Appellate ruling of the Judicial Panel for Civil Cases of the Moscow City Court dated April 20, 2022 in case No. 33-14798/2022 // https://base.garant.ru/327928153/ (accessed May 25, 2026).